

УДК 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.253.278>

АРХЕОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)

©2020 г. В.А. Иванов

Статья посвящена вопросам анализа комплекса вооружения Улуса Джучи по данным погребальных памятников. Автор считает, что требуется разработка комплексного подхода к изучению военной археологии и истории кочевников Евразии, и в качестве опыта предлагает результаты своих исследований по археологии кочевнических погребений Улуса Джучи (Золотой Орды), проведенных по методике статистического анализа массового археологического материала. Источниковую базу по археологии этого исследования составляют 1273 погребальных комплекса, выявленных и исследованных в степях Евразии. Из них 37,4% составляют погребения, содержащие предметы вооружения. На основе этой выборки автором делаются выводы о характере вооружения кочевого населения Золотой Орды.

Ключевые слова: военная археология, Улус Джучи (Золотая Орда), комплекс вооружения, кочевники, могильники, погребальные комплексы, оружие, статистико-комбинаторные методы, сравнительный анализ.

ARCHAEOLOGY OF THE ARMAMENT COMPLEXES OF NOMADS IN THE ULUS OF JOCHI (THE GOLDEN HORDE)

V.A. Ivanov

The paper addresses the issues of analysis of the Ulus of Jochi armament complex on the basis of burial monuments. The author is convinced that the development of an integrated approach to the study of military archaeology and history of Eurasian nomads is required, and provides an example in the form of the results of studies on the archaeology of the nomadic burials of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) conducted using the technique of statistical analysis of mass archaeological material. The archaeological source base of this study is composed of 1273 burial complexes revealed and investigated in the steppes of Eurasia. A total of 37.4% of these burials were containing armament items. This series is used by the author as a basis for conclusions on the nature of the armament of the nomadic population of the Golden Horde.

Keywords: military archaeology, Ulus Dzhuchi (Golden Horde), arms complex, nomads, burial grounds, funeral complexes, weapon, statistiko-combinatory methods, comparative analysis.

В 2017 году в очередном томе «Археологии Евразийских степей», посвященном памяти выдающегося оружейведа и реконструктора древнего и средневекового оружия М.В. Горелика, была опубликована статья И.Л. Измайлова, представляющая собой программу изучения оружия и военного дела Золотой Орды. Кроме обширного историко-теоретического обоснования изучения военной археологии как особого раздела археологии, занимающегося изучением вооружения, воинского снаряжения, военно-оборонительного дела и т. д., автор предлагает приступить к разработке и конкретных направлений, совершенно, на мой взгляд, справедливо полагая, что с их помощью можно будет соединить в единое научное направление две отрасли знания – военную историю и военную археологию. В качестве одного из таких направлений И.Л.Измайлов выделяет изучение комплекса вооружения как реконструктивного элемента, позволяющего

соединить две указанных отрасли или направления историко-археологического познания (Измайлов, 2017).

Полностью поддерживая идею автора о необходимости разработки комплексного подхода к изучению военной археологии и истории кочевников Евразии, в качестве опыта предлагаю вниманию заинтересованного читателя результаты своих исследований по археологии кочевнических погребений Улуса Джучи (Золотой Орды), проведенных по методике статистического анализа массового археологического материала.

В общем-то, они не новы, поскольку первые результаты подобного исследования на материале 333 воинских погребений Золотой Орды были опубликованы мной в 2011 г. (Иванов, 2011). Позже, по мере расширения базы данных по воинским погребениям кочевников Золотой Орды¹, я еще трижды обращал

¹ А процесс этот перманентный.

ся к этой теме (Иванов, 2014; 2015; 2017). И наконец, сейчас, когда доступный мне корпус соответствующих источников достиг наиболее оптимального объема, я еще раз обращаюсь к теме статистического анализа предметов вооружения кочевников Золотой Орды, теперь уже с целью показать именно источниковедческие проблемы этой темы в контексте будущей программы историко-археологического изучения вооружения и военного дела кочевников Евразии.

Источниковую базу по археологии кочевников Золотой Орды в настоящее время составляют 1273 погребальных комплексов, выявленных и исследованных в степях Евразии². Из них 37,4% составляют погребения, содержащие предметы вооружения. Это 477 комплексов, которые и являются объектом настоящего исследования³. Для данного объема выборки нижний уровень процентного показателя (при степени вероятности 0,95) будет равен 0,8%. Показатели ниже указанного уровня для рассматриваемой выборки не будут значимыми (Генинг и др., 1990, с. 64).

Золотоордынские погребения с оружием четко делятся на две группы. Первая – погребения, содержащие по одному предмету: наконечники стрел (1–5 экз.), берестяной колчан, сабля, наконечник копья и т. д. Их можно назвать «символическими воинскими захоронениями». В общей сложности они составляют 41,5% всех погребений с оружием (табл. 1).

Вторая группа – погребения, содержащие комплексы вооружения, от двух-трех (стрелы + колчан, стрелы + сабля, стрелы + копье, сабля + стрелы + накладки лука и т. д.) до пяти-шести (доспех + шлем + копье + колчан + стрелы, доспех + шлем + копье + сабля + колчан + стрелы) (табл. 1). Эти погребения могут трактоваться как более аутентичные вооружению и структуре золотоордынского войска.

Среди погребений второй группы также абсолютно доминируют погребения «лучников» (наконечники стрел + колчан, наконечники стрел + колчан + накладки на лук, на-

² Если обратиться к предшествующим публикациям автора этих строк, то можно убедиться в том, как рос объем источников в течение последних 25 лет. И он будет расти и далее, поскольку процесс этот перманентный.

³ Фактически их количество и сейчас уже, по опубликованным данным, можно довести до 500 и более. Но на данном этапе я считаю и имеющуюся выборку вполне репрезентативной.

наконечники стрел + сабля, наконечники стрел + колчан + сабля).

В целом же погребения, содержащие образцы оружия дистанционного боя – стрелы, лук, колчан, – составляют 84,1% рассматриваемых погребений.

По материалу изготовления наконечники стрел делятся на две группы – железные и костяные (рис. 1 и 2). Практически все они укладываются в типологию, разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым в середине 1960-х гг. (Федоров-Давыдов, 1966, гл. 2), которая остается актуальной и сегодня, поскольку за истекшие десятилетия существенных изменений в ней не произошло.

На примере кочевнических погребений Урало-Поволжского региона, где сейчас локализуется 50,1% вообще всех известных кочевнических погребений XIII–XIV вв. и 40,1% от всех погребений с оружием, можно убедиться в том, что в них содержатся наконечники стрел практически всех характерных для рассматриваемой эпохи типов.

Всего в кочевнических погребениях региона обнаружено 210 железных наконечников стрел⁴, и получаем следующую картину частоты встречаемости известных типов стрел:

VIX – в виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью (рис. 1: 19, 20) – 34,8%;

VXI – вытянутая лопаточка, заканчивающаяся двумя короткими ударными гранями, сходящимися под тупым углом (рис. 17: 12–14, 21) – 17,4%;

VIII – плоские листовидной формы (рис. 1: 5) – 9,2%;

VIV – плоские ромбической формы (рис. 1: 6–8) – 8,1%;

VXVII – треугольной формы с вогнутыми боковыми гранями, слегка расширяющимся основанием и уступом при переходе пера в черешок (рис. 1: 22–26) – 7,0%.

VXIII – фигурные, с небольшим пером, ударная грань имеет треугольный выступ (рис. 1: 15–18) – 4,9%;

VV – плоские треугольной формы, максимальная ширина приходится на основание пера – 4,5%;

VVI – двурогие стрелы (рис. 1: 9) – 3,2%;

VVII – треугольной формы, но в виде перевернутого основанием вверх треугольника,

⁴ Это еще в общей сложности 36 наконечников интересующего нас времени. И хотя найдены они в основном на поселениях, но условно будем считать, что они тоже кочевнические.

максимальная ширина приходится на режущую грань – 3,2%;

VI – трехгранное в сечении перо (рис. 1: 2) – 2,7%;

VIII – прямоугольной формы, чуть суживающиеся к основанию – 2,1%;

XXVI – полукруглой формы, с небольшим пером, прямой или вогнутой ударной гранью (рис. 1: 10, 11) – 1,6%;

VX – в виде вытянутой лопаточки, но со слегка вогнутой ударной гранью – 0,5%.

Аналогичную статистику встречаемости обнаруживают и комплексы кочевнических погребений золотоордынского времени на Дону (31 экз. – по В.В. Кравцу): IV – 20%; VXI – 26,6%; VII – 10%. Остальные типы представлены 1–2 экз. (Кравец, 2005, с. 36).

Практически тот же самый типологический ассортимент железных наконечников стрел был распространен и у кочевников восточной части Великого пояса степей Евразии (восточных кыпчаков – по Ю.С. Худякову) (Худяков, 2012) и у кочевников (монголов) Тянь-Шаня. У последних наконечники типа VII и VXI абсолютно доминируют (Акматов, 2015).

Костяные наконечники стрел (как правило, по одному экз.) найдены в 8% от всех погребений с оружием. По форме пера они делятся на два типа: тип IV (по Г.А. Федорову-Давыдову) – черешковые, листовидной формы и треугольного сечения (рис. 2: 3, 4) – 6 экз.;

тип V – черешковый с треугольной головкой ромбического сечения (рис. 18: 8) – 1 экз.

В погребениях костяные наконечники размещались так же, как и железные. Однако в к. 1 Тлявгуловского могильника черешковый костяной наконечник (рис. 2: 8) торчал вертикально возле головки бедра погребенного.

Назначение костяных наконечников, в контексте тогдашней тактики ведения боевых действий, не совсем понятно. Характерно, что найдены они в могильниках – Тлявгуловский, кург. 1; Новый Кумак, к. 11; Жарсуат, к. 1; Каратугайская волость, к. 4; Харьковка I, к. 9; Давыдовка III, к. 2; Свинуха (Лесное), к. 5; Агаповский, – расположенных в северных лесостепных районах Джучиева улуса или прилегающих к лесостепи. А вообще, в общем контексте комплекса вооружения кочевников XIII–XIV вв., костяные наконечники стрел характерны для погребений Алтая: из 38 погребений, где они встречены, 17 – на Алтае (Бийск, Ближние Елбаны XIV, Ильинка, Кармацкий, Осинки, Усть-Алейка-Клуб, Тожон, Усть-Бийке-III). Ю.С. Худяков пола-

гает, что стрелы с костяными наконечниками использовались как дополнение к стрелам с железным наконечником, которых при массовой стрельбе по противнику не всегда хватало (Худяков, 2009, с. 174).

Стрелы черешками всаживались в массивные деревянные древки диаметром до 0,8 см (Олень-Колодезь, Высокая Гора) (Кравец, 2005, с. 36), что предполагает высокую упругость лука, посылающего такие стрелы.

Стрелы помещались в **берестяные колчаны**, что можно проследить по частоте встречаемости колчанов в кочевнических погребениях (51,4% всех погребений с оружием). Из них в 48,7% действительно стрелы находились в колчане, в остальных наконечников стрел найдено не было. Колчаны представляют собой берестяной футляр трапециевидной формы с расширяющимся дном длиной 70–80 см. Судя по нахождению наконечников стрел *in situ*, они в колчан помещались оперением вниз (рис. 2: 9–13).

Каждый третий из найденных в погребениях колчанов (15%) украшен костяными орнаментированными накладками с резным зооморфным, растительным или геометрическим орнаментом (рис. 2: 14–19).

Естественно, что в могилы колчан со стрелами помещали вместе с луком. Во всяком случае, 4,3% рассматриваемых погребений содержат костяные обкладки лука, причем, только в пяти погребениях – Сайхин, к. 3, Оз. Раим, Дымовка, Николаевка и Херсонский уезд – они найдены без наконечников стрел.

Подробный анализ сюжетов и мотивов орнамента, украшающего костяные обкладки колчанов, проведен в свое время Н.В. Малиновской (Малиновская, 1974) и затем дополнен Е.П. Мыськовым (Мыськов, 2015, с. 147–156). Поскольку данный элемент колчанного декора не имеет прямого отношения к функциональному назначению колчана как предмета вооружения, мы не будем здесь рассматривать орнамент еще раз. Отмечу только, что среди его сюжетов и мотивов исследователи четко выделяют четыре группы: геометрический орнамент, спиралевидный и S-видный, растительный и зоо- и антропоморфный (Н.В. Малиновская). Е.П. Мыськов в основу группировки орнаментальных сюжетов кладет отсутствие зоо- и антропоморфных мотивов (I группа) и их наличие среди растительных и геометрических (II группа) (Мыськов, 2015, с. 149). В контексте данного исследования это не принципиально, поэтому на этом описание

костяных колчаных накладок будет ограничено.

Колчан подвешивался к колчанному поясу, который застегивался на крючок (рис. 2: 20–24).

Следы лука в кочевнических погребениях Золотой Орды представлены **костяными накладками** – 7,3% от всех погребений с оружием. По форме это пластины подпрямоугольной формы с расширяющимися концами (рис. 2: 25, 28, 30), овальной формы (рис. 2: 27, 29) или в форме двойной лопаточки (рис. 2: 26). Последние встречаются редко и в основном на востоке Евразийской степи. Установить, какой тип накладок на лук преобладает в кочевнических комплексах Золотой Орды, не представляется возможным, поскольку многие накладки встречены во фрагментах.

Подобные накладки наклеивались с внутренней стороны рукояти лука (прямоугольные и в виде лопаточки) или попарно к боковым сторонам рукояти (овальные) (Горелик, 2002, с. 18).

Концевые накладки лука с прорезями для тетивы, о которых упоминают исследователи золотоордынского вооружения (Сейдалиев, 2016, с. 278), в имеющихся кочевнических комплексах XIII–XIV вв. не встречены.

Луки носились в кожаных налучьях, из которых в рассматриваемых комплексах в относительно сохранившемся виде найдено одно – мог. Царев, кург. 7, погр. 1 (Мыськов, 2015, с. 121) (рис. 2: 31).

Оружие ближнего боя в погребениях кочевников Золотой Орды представлено саблями, наконечниками копий, топорами и булавами/шестоперами (табл. 1). Среди них чаще всего встречаются сабли – в общей сложности 11,3% всех погребений с оружием. То есть по частоте встречаемости это было второе после лука и стрел и первое среди оружия ближнего боя оружие.

Подробная типология **сабель** из средневековых кочевнических погребений Восточной Европы разработана А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000). По результатам статистической корреляции типобразующих признаков (кривизна, пропорции клинка, форма перекрестия и навершия) исследователи выделили 26 типов кочевнических сабель, из которых 5 типов (в общей сложности – 28 экз.) относятся к периоду Золотой Орды. По кривизне клинка⁵ это

⁵ Основной типобразующий признак в средневековом оружиеведении.

сабли типа K_1 (слабоизогнутые, степень вогнутости спинки клинка не превышает 1,9 см), K_2 (среднеизогнутые, вогнутость спинки клинка 2–4 см)⁶ и K_3 (сильноизогнутые, вогнутость спинки клинка от 4,1 см до 6 см и более).

Длина клинка золотоордынских сабель колеблется от коротких ($D_1 = 60-79$ см), средних ($D_2 = 80-100$ см) до длинных ($D_3 = 101-121$ и более см)⁷.

В рассматриваемой нами выборке золотоордынских сабель⁸ отчетливо выделяются среднеизогнутые (рис. 3: 2, 6, 10, 13, 14, 20) или сильноизогнутые (рис. 3: 1, 4, 8, 9, 12, 15, 16, 21, 22, 23) клинки. Есть еще палаши (рис. 3: 3, 11). Установить более детальную статистику имеющейся выборки не представляется возможным по причине качества публикаций и доступности материала.

Известны находки наверший сабельных рукоятей в виде невысокого цилиндрика с треугольными выступами по верхнему краю (Старонижнестеблиевский I, к. 4, погр. 3) (Дружинина и др., 2011, с. 82).

Часто на клинках сохраняются древесные волокна, что позволяет считать, что ножны сабель были деревянными. От них сохраняются также круглые железные втулки, одеваемые на нижний конец ножен (рис. 3: 3, 8, 9, 10, 15, 17, 20, 21, 22, 23).

В погребениях сабли лежали справа или слева от погребенного, вдоль его бедра острием вниз. Как они носились на поясе – лезвием вниз или вверх (как, например, носили шашки казаки) – судить можно по находкам из могильников Лебедевка VIII, к. 6, могильника у хут. Пролетарский, Ново-Подкряж. Там к тыльной стороне клинка прикипели железные полукруглые скобы – явно от ножен (рис. 3: 8, 17). На сабле из могильника Ново-Подкряж сохранились серебряные обкладки ножен с кольцами для подвешивания (Шалобудов, Кудрявцева, 1980). Поэтому можно предположить, что сабли носились в деревянных ножнах, подвешенных за петли, рубящей частью вниз, как это изображено на китайских

⁶ В статистике А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной для сабель золотоордынского периода они преобладают (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 146).

⁷ По статистике названных исследователей, короткие клинки для золотоордынских сабель – большая редкость (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 150).

⁸ Количественно она несколько превышает выборку названных исследователей (66 клинков против 46), главным образом за счет комплексов Поволжья и Южного Предуралья.

картинах, воспроизведенных М.В. Гореликом (Горелик, 2002, с. 59, 74).

Наконечники копий в кочевнических погребениях встречаются крайне редко (в общей сложности 1,4% всех погребений с оружием). Хотя их и очень мало, но они разделяются на два типа: четырехгранные втульчатые пики – оружие глубокого проникновения, пробивающее доспех (рис. 5: 1, 2, 4) – и втульчатые плоские листовидные (рис. 5: 3, 5, 6). Последние известны в основном в виде графических реконструкций исследователей.

Еще реже в кочевнических погребениях Золотой Орды встречаются **боевые топоры** – 0,6% погребений с оружием. Один из них, украшенный растительным орнаментом, вполне возможно, парадный (Олень Колодезь) (рис. 5: 9). Два других – бердыш (рис. 5: 8) и вислообушный с расширяющимся лезвием (рис. 5: 7), безусловно, боевые.

Навершия **булав-шестоперов** найдены в 1,0% погребений с оружием (рис. 5: 10–12). По мнению исследователей золотоордынского оружия, они имеют восточное происхождение и свидетельствуют о культурных или военных контактах Золотой Орды с Передним Востоком (Кулешов, Абызова, 2011; Дружинина, 2017).

И чтобы завершить обзор предметов наступательного оружия, найденных в погребениях кочевников Золотой Орды, упомянем гирьку **боевого цепя** из могильника Котовка III, к. 3. Оружие этого типа было выделено Ю.А. Кулешовым в основном по случайным находкам (Кулешов, 2019). В указанном погребении боевой цеп находился вместе с железными стрелами-срезнями и копьем-пикой (Шалобудов, 1982).

Защитное вооружение – шлем и панцирь (кольчуга) – в общей сложности представлены в 6,7% погребений с оружием. Из них в 3,1% погребений – в комплексе. Шлем без доспеха найден только в трех из рассматриваемых погребений: Раевская (у городища), к. 3; Ахтырский лиман I и Николаевка, к. 2. Панцирь (кольчуга) без шлема встречается чаще⁹.

Но вот что интересно: там, где панцирь присутствует без шлема, он, как правило, представлен всего лишь несколькими пластинами (Бахтияровка II, к. 23; Мамбетбай, к. 3; Карасуыр, погр. 1 (Усманова и др., 2015; 2018). Тогда как кольчуга встречается и целиком (Юрьев Польской, Пилипенковский I, к.

1; Греки III, к. 1 (Дружинина и др., 2011, с. 21, 58).

Шлемов из погребений известно 19 экз. (4% всех погребений с оружием). За исключением полуразрушенного погребения у Раевского городища, у Ахтырского лимана и в Николаевке (к. 2), все шлемы встречены в комплексе с доспехом или его фрагментами.

Все шлемы опубликованы и описаны исследователями (Зеленский, 1997; Горелик, Ковпаненко, 2001; Кравец, 2005, с. 37; Нарожный, 2005, с. 93–101; Дружинина и др., 2011, с. 90–97; Кригер, 2012, с. 30; Мыськов, 2015, с. 158). Какой-либо серийности в их формах проследить невозможно: среди них имеются шлемы полусферические, склепанные из нескольких железных пластин, шлемы-шишаки (в т. ч. с маской-личиной), шишаки с козырьками (рис. 6). Последние являются типично монгольским признаком (Горелик, 2002, с. 23), однако в степях Восточной Европы они встречены в основном в погребениях, исследованных к западу от Волги.

Итак, на материалах имеющейся выборки кочевнических погребений Золотой Орды, содержащих оружие, мы можем убедиться, что в ней представлены все элементы монгольской «паноплии» имперского периода: панцири, кольчуги, шлемы, лук со стрелами, колчаном и налучьем, сабли и палаши¹⁰, булавы, кистени, копьа (Горелик, 2011). Они представлены с совершенно различной частотой встречаемости в погребениях, никоим образом не связанной со структурой монгольского (золотоордынского) войска, существовавшей в реальности. Поэтому эмпирическая ценность археологического комплекса вооружения кочевников Золотой Орды состоит прежде всего в том, что имеющиеся артефакты дают возможность реально представить форму и метрические параметры того или иного типа вооружения.

С точки зрения археологического источниковедения, нас интересует география распространения элементов золотоордынской «паноплии» и ее комплексов, а также степень закономерности и устойчивости формирования и бытования этих комплексов в рамках имеющейся статистической выборки.

¹⁰ М.В. Горелик к золотоордынскому оружию относит меч, найденный на стойбище Райгородок на Северском Донце (Горелик, 2002, с. 62). И хотя обстоятельства и условия находки этого меча неясны (Кравченко, 2015), но спорить с классиком кочевнического оружиеведения не будем.

⁹ В 3,5% от всех погребений с доспехом.

Результаты корреляционного анализа рассматриваемой статистической выборки, проведенного по двум стандартным программам – Excel, функция КОРРЕЛ и SPSS, – ничего принципиально нового, по сравнению с опубликованными ранее (Иванов, 2015, с. 83–84), не дали¹¹.

Самый высокий коэффициент связи обнаруживают между собой шлем и доспех/кольчуга ($Q = 0,606$). Что логично, поскольку это погребения знатных воинов и помещенные в них шлем и доспех означают, во-первых, высокий социальный статус индивида, заслуживающего особого вещевого сопровождения «на том свете». Например, Озерновский III курган, содержащий только шлем и доспех (рис. 6: 7), – это явный кенотаф, сооруженный в память о знатном воине-баатуре. Или погребения Северокавказского региона – Курчанская, Новокорсунская, Пилипенковский I, Лебеди VI, Греки III и др., которые исследователи так и трактуют, как погребения воинской знати (Чхайдзе, Дружинина, 2013) (рис. 11).

Во-вторых, сам по себе факт помещения в могилу полного комплекта защитного вооружения (очень дорогого) – явление экстраординарное, вызванное какими-то «форс-мажорными» обстоятельствами, на археологическом материале не восстанавливаемыми (отсутствие наследника, которому можно было бы передать столь дорогую вещь, например).

Затем по убывающей следует корреляция сабли со шлемом и доспехом ($Q = 0,303$ и $0,329$ соответственно). И это логично: сабля – престижный вид оружия. Да и вообще, очень сложно представить себе ордынского воина, одетого в доспех и вооруженного только луком и стрелами.

Достаточно высокий коэффициент взаимовстречаемости обнаруживают берестяные колчаны и украшающие их костяные накладки ($Q = 0,24$). В определенной степени это указывает на то, что орнаментированные костяные обкладки колчана также были статусной вещью и отнюдь не каждый воин мог себе позволить их приобретать и использовать.

Слабее, но тем не менее вполне заметна связь между копьем и шлемом ($Q = 0,13$) и копьем и доспехом ($Q = 0,17$), боевым топором и шлемом ($Q = 0,19$) и боевым топором и доспехом ($Q = 0,14$).

Неожиданным явился отрицательный коэффициент корреляции между железными наконечниками стрел и берестяным колчаном ($Q = -0,043$), поскольку результаты предшествующего анализа, проведенного на материалах 333 (2011 г.), а затем 368 (2017 г.) погребений, показали довольно высокое значение корреляции ($Q = 0,15$ и $0,53$ соответственно). Объясняется это законами математической статистики, согласно которым **отрицательная корреляция** – корреляция, при которой увеличение одной переменной связано с уменьшением другой переменной, при этом коэффициент корреляции отрицателен. В нашем случае это означает, что по сравнению с предшествующими публикациями количество погребений со стрелами увеличилось на 2,9%, а погребений с колчанами – на 6,8%. То есть более чем в 2 раза. Вот отсюда и отрицательное значение Q между этими двумя переменными – стрелами и берестяным колчаном¹².

Обращает на себя внимание и тот факт, что т. н. всаднические погребения, «всадничество» которых обозначено только принадлежностями конской сбруи – стремянами и удилами, положительную корреляцию обнаруживают только с железными наконечниками стрел и берестяными колчанами, тогда как погребения со шкурой или целой тушей коня положительную корреляцию обнаруживают с саблями ($Q = 0,106$).

Не хочу делать каких-либо далеко идущих выводов, но, на мой взгляд, социальный признак здесь прослеживается (Иванов, 2015, с. 85).

Абсолютное большинство рассматриваемых погребений – 68,5%, кроме оружия дистанционного боя (наконечники стрел, берестяной колчан и костяные обкладки лука¹³), никакого другого оружия не содержат.

В описаниях исследователей, основанных на средневековой графике, колчаны подвешивались к поясу справа (Горелик, 2002, с. 19; 2011, с. 125). Однако в погребениях колчаны бывают уложены как справа, так и слева (рис. 7: 3, 4; 8: 5, 10, 17). Что это – погребения воинов-левшей или какой-то ритуальный знак – еще предстоит выяснить.

¹² Подобная ситуация может возникнуть и с другими элементами золотоордынской «паноплии» по мере изменения их количества.

¹³ Или остатки деревянного лука (Жартас, Калиновский-4, к. 1).

¹¹ За исключением одного момента, о котором будет сказано ниже.

География распространения комплексов «стрелы + берестяной колчан» прямо пропорциональна географии местонахождения известных сейчас кочевнических погребений XIII–XIV вв. с оружием: более 50% погребений исследованы в погребениях Урало-Поволжского региона (52,7%), 36,4% – в степях Восточной Европы (Волго-Уральское междуречье, Дон, современная Украина).

В 5,7% рассматриваемых погребений найдены сабля, наконечники стрел, берестяной колчан, накладка на лук¹⁴. То есть, условно говоря, сабля и лук со стрелами. Сабля в погребении лежит, как правило, как и положено, слева, хотя встречается и положенной справа от погребенного (рис. 9, 10).

Как уже было сказано, сабля обнаруживает положительную корреляцию со шкурой или тушей коня. Это логично, поскольку сабля – оружие всадника. Однако в рассматриваемой выборке выделяется группа погребений – 4,4% всех погребений с оружием, в которых при наличии сабли и лука со стрелами вообще нет никаких признаков всадничества (рис. 10: 1, 6, 11). Вновь возникает вопрос: это что, погребения золотоордынских пехотинцев (что маловероятно) или мы имеем дело с каким-то обрядовым нюансом?

Погребения воинов, захороненных со шлемом и доспехом, в общей сложности составляют 7,9% от всех золотоордынских воинских погребений. Однако внутри этой группы набор сопутствующих предметов вооружения представляет собой сплошной «эксклюзив»¹⁵ (табл. 1).

Исключение составляют погребения кроме доспеха содержащие еще саблю и наконечники стрел (Балабинский, Лебедевка II, Старонижестеблиевская I, Калининское, Самойлово, Хутор Пролетарский) – 1,4% всех воинских погребений (рис. 11).

На материалах 92 погребений с оружием Степного Предкавказья В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина выделяют четыре группы воинских погребений: I – тяжеловооруженная конница (кольчуги, шлемы, полный набор оружия ближнего и дальнего боя); II – конница без защитного вооружения, но с полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя, III – легкая конница, вооруженная только луком и стрелами, IV – легкая конница, вооруженная только саблями. И в общем,

¹⁴ Последние – очень редко (табл. 1).

¹⁵ То есть каждое погребение представлено в единственном числе.

по данным исследователей, вырисовывается довольно четкая структура кочевнического войска, в котором тяжело- и средневооруженные конники (группы I и II) составляли основной воинский контингент (в общей сложности 62,8%) (Чхаидзе, Дружинина, 2011). Эту схему авторы переносят и на структуру золотоордынского войска (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 173–174).

С точки зрения традиционного представления о структуре монгольско-имперского (и, соответственно, золотоордынского) войска предлагаемая авторами схема выглядит безупречно: едва ли кому-нибудь придет в голову оспаривать наличие в войске золотоордынских ханов легких конных лучников-застрельщиков, тяжелой конницы, наносящей таранные удары по противнику, легкой конницы, добывающей разрозненного противника.

Можно даже допустить, что на территории степного Предкавказья имеющийся археологический материал может быть аутентичным удельному весу выделенных исследователями воинских контингентов¹⁶. Но вот с точки зрения археологического источниковедения в масштабах всей Золотой Орды ситуация выглядит несколько иначе.

Так, по наблюдениям Т.М. Потемкиной и Ю.А. Кулешова, на территории западной части Золотой Орды (от Венгрии до Поволжья)¹⁷ погребения тяжеловооруженных воинов (но – **половецко-золотоордынского времени**) составляют всего 8,2% от всех известных комплексов¹⁸ (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 273). То есть, встречаются весьма редко.

В своем исследовании авторы оперируют материалами 160 погребений с доспехами. Из них 80,8% датируются золотоордынским временем (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 280). И хотя объектом их исследования являются доспехи, они приводят и общие данные о погребальном обряде и об ассортименте сопровождающих погребенных вещей. Из приведенных данных устанавливается, что большинство (67%) – всаднические, поскольку содержат конские захоронения в виде шкуры или целого остова коня. Кроме доспеха, из других предметов вооружения наибо-

¹⁶ Хотя 92 комплекса – это не очень представительная выборка.

¹⁷ Включая и территорию степного Предкавказья.

¹⁸ По моим подсчетам, включающим и погребения Уральского региона (Новый Кумак, Озерновский III, Мамбетбай, Лебедевка II, городище Бозок, Карасуыр) – 7,9% от погребений с оружием.

лее часто встречаются колчан со стрелами (79,5%), сабля (68,2%), накладки лука (27,8%), копье (15,9%). Единичными находками представлены кинжалы (6,8%), наручи и поножи, булавы (3%), топор (2,5%) (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 277–279).

Судя по тому, что указанная статья проиллюстрирована уже опубликованными комплексами (Пролетарский, Высокая гора, Олень-Колодезь, Калиновское), основная масса рассматриваемых авторами комплексов доступна только в отчетах¹⁹.

В сводке позднекочевнических сабель Восточной Европы, составленном и детально проанализированном А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной, учтено 135 клинков, из них 28 (20,7%) определенно датируются золотоордынским временем ((Евглевский, Потемкина, 2000, с. 172–176)²⁰. Практически все учтенные авторами золотоордынские сабли происходят из погребений, данные о которых нигде и никогда не публиковались²¹. Поэтому их корреляция с другими видами и типами оружия пока невозможна.

В чем причина существующего разнообразия в количественных показателях распространения элементов золотоордынской «паноплии» в известных погребальных комплексах? Она проста и очевидна. Дело в том, что для статистического анализа любого археологического комплекса (а именно он только и обеспечивает объективность выводов), в нашем случае комплекса золотоордынского вооружения, «особенно важна и ценна случайная выборка. Если все элементы генеральной совокупности имеют одинаковые шансы попасть в выборку, то такую выборку мы называем случайной. Случайная выборка статистически отражает генеральную совокупность (выделено мной – В.И.). Но при этом должны быть устранены все субъективные, неслучайные факторы образования выборки. Случайной выборкой из клада монет можно признать его часть, оставшуюся после хищения клада находчиками, в монетах не разбирающимися. Эта часть отражает состав клада. **Не является случайной выборкой часть клада, отобранная коллекционерами. Она отражает не столь-**

ко состав клада, сколько интерес коллекционера (выделено мной – В.И.).

Главное, что отличает археологическую выборку от статистических выборок в других областях науки, – это невозможность самому исследователю организовать выборочный отбор. К нему попадают вещи из современных раскопок, из старых раскопок, от которых случайно сохранилась лишь часть коллекций, из случайных находок» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 15).

«Выборка должна отвечать двум требованиям: **быть случайной и представительной** (выделено мной – В.И.). Первое обеспечивает равную вероятность попадания каждого объекта в количество изучаемых единиц (выборку). Тем самым исключается субъективность, тенденциозность и односторонность в подборе фактов. Пользуясь естественной выборкой, археолог должен обратить особое внимание на ее *представительность*, которая означает, что отобранные и изучаемые единицы будут отражать существенные свойства генеральной совокупности. Она определяется двумя факторами: однородностью выборочных данных и их достаточно большим количеством...» (Генинг и др., 1990, с. 61–62).

Рассмотренные выше статистические выборки коллег случайными не являются, поэтому распространять результаты их анализа на весь комплекс золотоордынских погребений с оружием методически некорректно. Случайной и представительной является приведенная выборка автора этих строк – 477 погребений с оружием против в общей сложности 249 погребений с саблями (А.В. Евглевский, Т.М. Потемкина), доспехом (Т.М. Потемкина, Ю.А. Кулешов) и в северном Предкавказье (В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина). Отсюда следуют выводы²²:

- В погребальных комплексах кочевников Золотой Орды представлены все элементы золотоордынской «паноплии», но с разной частотой встречаемости;

- Реконструировать структуру золотоордынского войска и устанавливать иерархию типов вооружения на основании археологического материала – занятие непродуктивное. Например, к какому контингенту следует относить воинские погребения, содержащие только саблю, только копье или только колчан? Или – известно более двух десятков нахо-

¹⁹ То есть большинству заинтересованных исследователей практически не доступна.

²⁰ По моим данным, 13,8% воинских погребений Золотой Орды содержат сабли.

²¹ Исключение – сабля из Новониколаевского I могильника, к. 1, погр. 1 (у авторов – к. 6/1), опубликованного А.В. Евглевским (Евглевский, 1992).

²² Вытекающие из результатов статистического анализа именно рассмотренной выше выборки.

док булав/шестоперов («широко распространенное оружие ближнего боя» (История татар, 2009, с. 401)), из которых только пять найдены в погребениях. Остальные – случайные находки или находки на поселениях. Их что, теряли, несмотря на то, что «перначи демонстрировали не только принадлежность к элите, но ранг их владельцев в военной и политической иерархии» (Дружинина, 2017, с. 100)?

- Основная масса погребений – 69,6% – кроме принадлежностей воина-лучника никакого другого вооружения не содержат;

- Погребения, содержащие только сабли²³, – 2,7%;

- Погребения, содержащие саблями лук со стрелами (по В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой, конница без защитного вооружения, гр. П), – 1,6% и т. д. (рис. 12);

- Тезис И.Л. Измайлова о комплексе вооружения как базового элемента для реконструкции и анализа в военно-исторических исследованиях (Измайлов, 2017, с. 19) сможет быть реализованным только после создания единой базы данных по золотоордынским погребениям, содержащим оружие.

ЛИТЕРАТУРА

Акматов К.Т. Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в мон-гольское время // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 193–202.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). К.: Наук. думка, 1990. 304 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 121–137.

Горелик М.В. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 253–270.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГУ, 2001. С. 154–164.

Дружинина И.А. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 99–107.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.: Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, 2011. 268 с.

Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1. / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С. 107–116.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 117–179.

Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из Степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 3. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М., 1997. С. 89–93.

Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 72–77.

Иванов В.А. Комплекс вооружения кочевников Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды // Военная археология. Вып. 3. / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 237–244.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.

Иванов В.А. Статистическая корреляция и география комплексов вооружения кочевников Золотой Орды // Археология Евразийских степей. №5 2017. С. 160–160.

Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 16–22.

²³ К какому контингенту их отнести?

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1051 с.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 407–474.

Кулешов Ю.А. Боевые цепи в комплексе вооружения Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. №1. С. 37–54.

Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 92–100.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: Армавирский гос-пед. ун-т, 2005. 210 с.

Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2010. С. 271–294.

Сейдалиев Э. Военное дело Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 264–287.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П. Монгольские захоронения конца XIII – начала XIV вв. в Улытау // Булантинская битва: история исследований / Под ред. Кожахметова Б.С., Усмановой Э.Р., Плетниковой, Л.Н., Сембинова Л.А. Улытау: Национальный историко-культурный музей-заповедник «Улытау», 2015. С. 162–173.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2(46). С. 106–113.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Худяков Ю.С. Военное дело восточных кыпчаков Центральной Азии и южных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 72–83.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 169–180.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 171–178.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.) / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1982. С. 60–68.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1980. С. 90–97.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

- Akmatov, K. T. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 14 (7), 193–202 (in Russian).
- Gening, V. F., Bunyatyan, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkhologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov)* (*Formalized Statistical Methods in Archaeology (Analysis of Burial Monuments)*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* (*Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament*). Moscow: "Vostochnii gorizont" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (*Steppes of Europe in the Middle Ages*) 8. Donetsk: Donetsk National University, 253–270 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (*Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects*). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 121–137. (in Russian).
- Gorelik, M. V., Kovpanenko, G. T. 2001. In *Arkheologiia Povolzh'ia* (*Archaeology of the Volga Area*). Penza: Penza State Pedagogical University, 154–164 (in Russian).
- Druzhinina, I. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 5. 99–107 (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e. (Medieval Nomads in the Easter Azov Region)*. Armavir; Moscow: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical University (in Russian).
- Evglevskii, A. V. 1992. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkhologicheskii sbornik* (*Donetsk Archaeological Collection*) 1. Donetsk: "Avers Co LTD" Publ., 107–116 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (*Steppes of Europe in the Middle Ages*) 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).
- Zelensky, Yu. V. 1997. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istorikoarkheologicheskii al'manakh* (*Historical and Archaeological Almanac*) 3. Armavir; Moscow, 89–93 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (*Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects*). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 72–77 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2014. In Dvurechensky, O.V. (ed.). *Voennaia arkhologiia. (Military Archaeology)* 3. Moscow; Tula: "MediaMir" Publ., "Kulikovo pole" Publ., 237–244 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoi Ordy (Nomads of the Golden Horde)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 5, 160–160 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 5, 16–22 (in Russian).
- In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII–seredina XV* (*History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.*). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda* (*The Genoese Gazaria and the Golden Horde*). Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 407–474 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie* (*Golden Horde Review*) 7 (1). 37–54 (in Russian).

Kuleshov, Ya. A., Abyzova, E. N., 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 92–100 (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhIGS" Publ. (in Russian).

Narozhny, E. I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problem etnokul'turnogo vzaimodeistviia epokhi Zolotoi Ordy) (Medieval Nomads of the North Caucasus (Controversial Issues of Ethnocultural Interaction in the Golden Horde Period))*. Armavir: Armavir State Pedagogical University (in Russian).

Potemkina, T. M., Kuleshov, Yu. A. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 271–294 (in Russian).

Seidaliev, E. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 264–287 (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P. 2015. In Kozhakhmetov, B. S., Usmanova, E. R., Pletnikova, L. N., Sembinova, L. A. (eds.). *Bulatiskaia bitva: istoriia issledovaniia (Ulytau, 27–28 iyunia 2015 g.) (Bulantin Battle: Study History (Ulytau, June, 27th – 28th))*. Ulytau: National Historical-Cultural and Natural park-museum "Ulytau", 162–173 (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P., Kolbina, A. V. 2018. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 106–113 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 2. Kazan: "Fen" Publ., 169–180 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov (Military Art of Uhus of Jochi and its Heirs)*. Astana: "Foliant" Publ., 72–83 (in Russian).

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 127–129.

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 171–178 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1982. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Region (3rd-1st Millennia BC))*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 60–68 (in Russian).

Shalobudov, V. N., Kudryavtseva, I. V. 1980. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgany stepnogo Podneprov'ia (Barrows of the Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 90–97 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

Таблица 1.
Распространение предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды

Table 1.

Distribution of weapons in the burials of nomads of the Golden Horde

№	Категория вооружения	Количество	%%
Единичные экземпляры			
1	Топор	3	0,63
2	Копье	6	1,2
3	Сабля	13	2,7
4	Булава/шестопер	1	0,2
5	Колчан	37	7,7
6	Костяные накладки лука	2	0,4
7	Наконечники стрел	136	28,5
198 погр. = 41,5%			
Комплексы вооружения			
8	Стрелы + колчан	145	30,3
9	Накладки лука+колчан	3	0,63
10	Накладки лука+стрелы	7	1,4
11	Копье+стрелы	7	1,4
12	Копье+сабля	1	0,2
13	Сабля+стрелы	12	2,5
14	Копье+колчан	3	0,63
15	Булава+стрелы	2	0,4
16	Доспех+шлем	1	0,2
17	Шлем+сабля	1	0,2
18	Сабля+лук+стрелы	8	1,6
19	Сабля+колчан+стрелы	1	0,2
20	Сабля+колчан+стрелы+лук	2	0,4
21	Сабля+булава/шестопер+колчан+стрелы	2	0,4
22	Накладки лука+колчан+стрелы	15	3,1
23	Наконечники стрел+сабля	14	2,9
24	Наконечники стрел+колчан+сабля	7	1,4
25	Наконечники стрел+колчан+копье	6	1,2
26	Шлем+доспех+сабля	4	0,8
27	Шлем+сабля+колчан	1	0,2
28	Шлем+колчан+накладки лука	1	0,2
29	Доспех+шлем+сабля+колчан+стрелы	3	0,63
30	Доспех+шлем+сабля+стрелы	7	1,4
31	Шлем+доспех+колчан+стрелы	2	0,4
32	Копье+сабля+колчан+стрелы	1	0,2
33	Доспех+шлем+копье+колчан+стрелы	1	0,2
34	Доспех+шлем+копье+сабля+колчан+стрелы	1	0,2
35	Доспех+сабля+лук+стрелы	1	0,2
36	Доспех+лук+стрелы	2	0,4
37	Доспех+копье+колчан+стрелы	1	0,2
38	Доспех+шлем+сабля+колчан+стрелы	1	0,2
39	Доспех+копье+колчан+стрелы	2	0,4
40	Доспех+колчан+стрелы	4	0,8

№	Категория вооружения	Количество	%%
41	Доспех+сабля+колчан	1	0,2
42	Доспех+сабля+колчан+стрелы	3	0,63
43	Доспех+сабля+лук	1	0,2
44	Доспех+сабля+колчан+лук+стрелы	1	0,2
45	Доспех+копье+сабля+стрелы	1	0,2
46	Доспех+сабля+стрелы	5	1,04
47	Доспех+шлем+сабля+лук+стрелы	1	0,2
Всего:		477	100

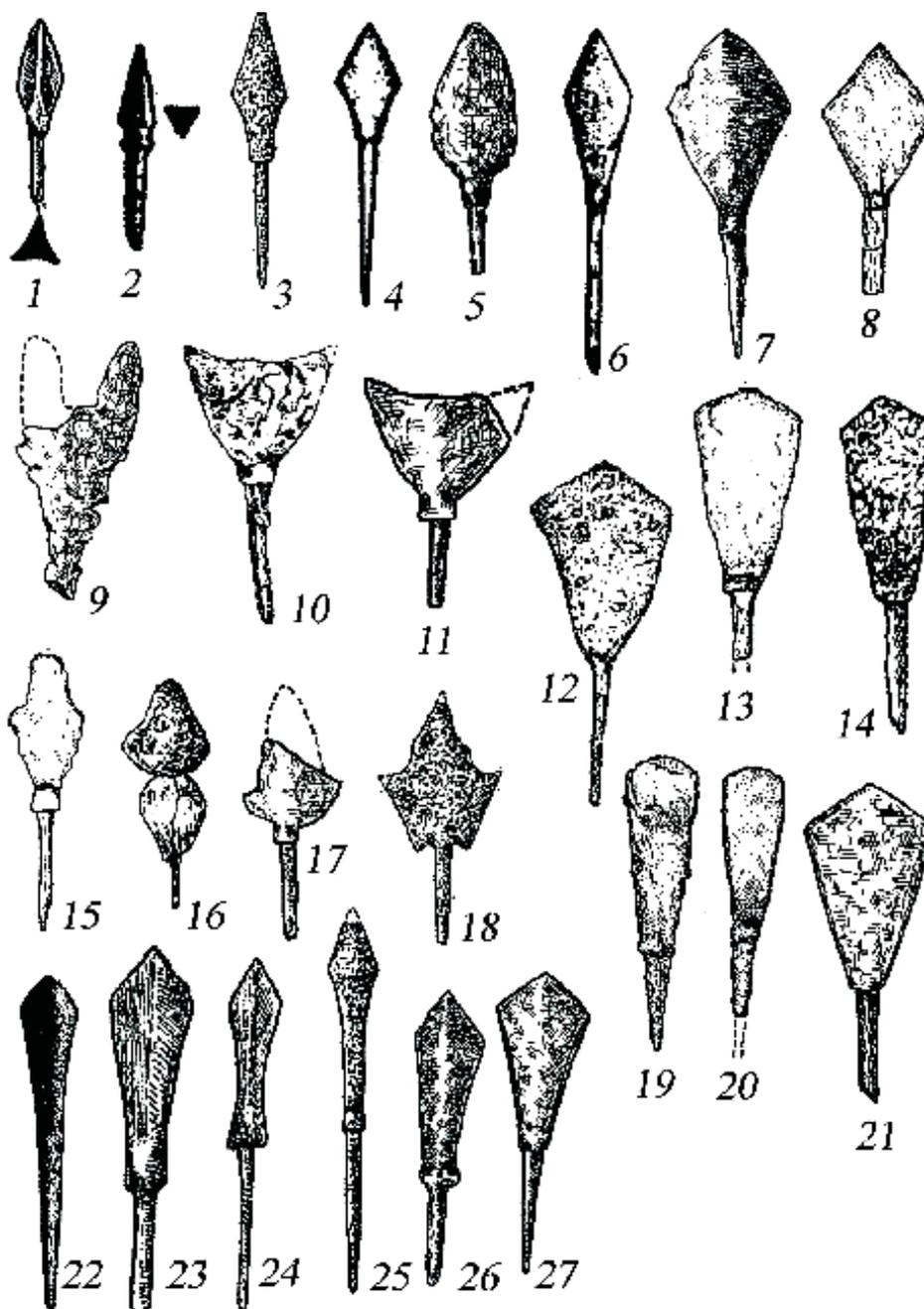

Рис. 1. Железные наконечники стрел из погребений кочевников Золотой Орды (здесь и далее – без масштаба).
 Fig. 1. Iron arrowheads from the burials of Golden Horde nomads (hereinafter – not to scale).

Рис. 2. Колчаны и колчанье принадлежности из погребений кочевников Золотой Орды:

1-8 – костяные наконечники стрел; 9-13 – берестяные колчаны; 14-19 – костяные обкладки колчана;
20-24 – колчанье крючки; 25-30 – костяные накладке лука (Бахтияровка, к. 3; Ближние Елбаны XIV, мог. 6;
Кармацкий, к. 9; Благодатное - 6, к. 3; Осинки, мог. 9); 31 – Царевский, к. 7.

Fig. 2. Quivers and quiver utensils from the burials of Golden Horde nomads.

1-8 – bone arrowheads; 9-13 – birch bark quivers; 14-19 – bone lining of a quiver; 20-24 – quiver hooks; 25-30 – bone overlays of a bow (Bakhtiyarovka, barrow 3; Blizhniye Elbany XIV, burial ground 6; Karmatsky, barrow 9; Blagodatnoye - 6, barrow 3; Osinki, burial ground 9); 31 – Tsarevsky, barrow 7.

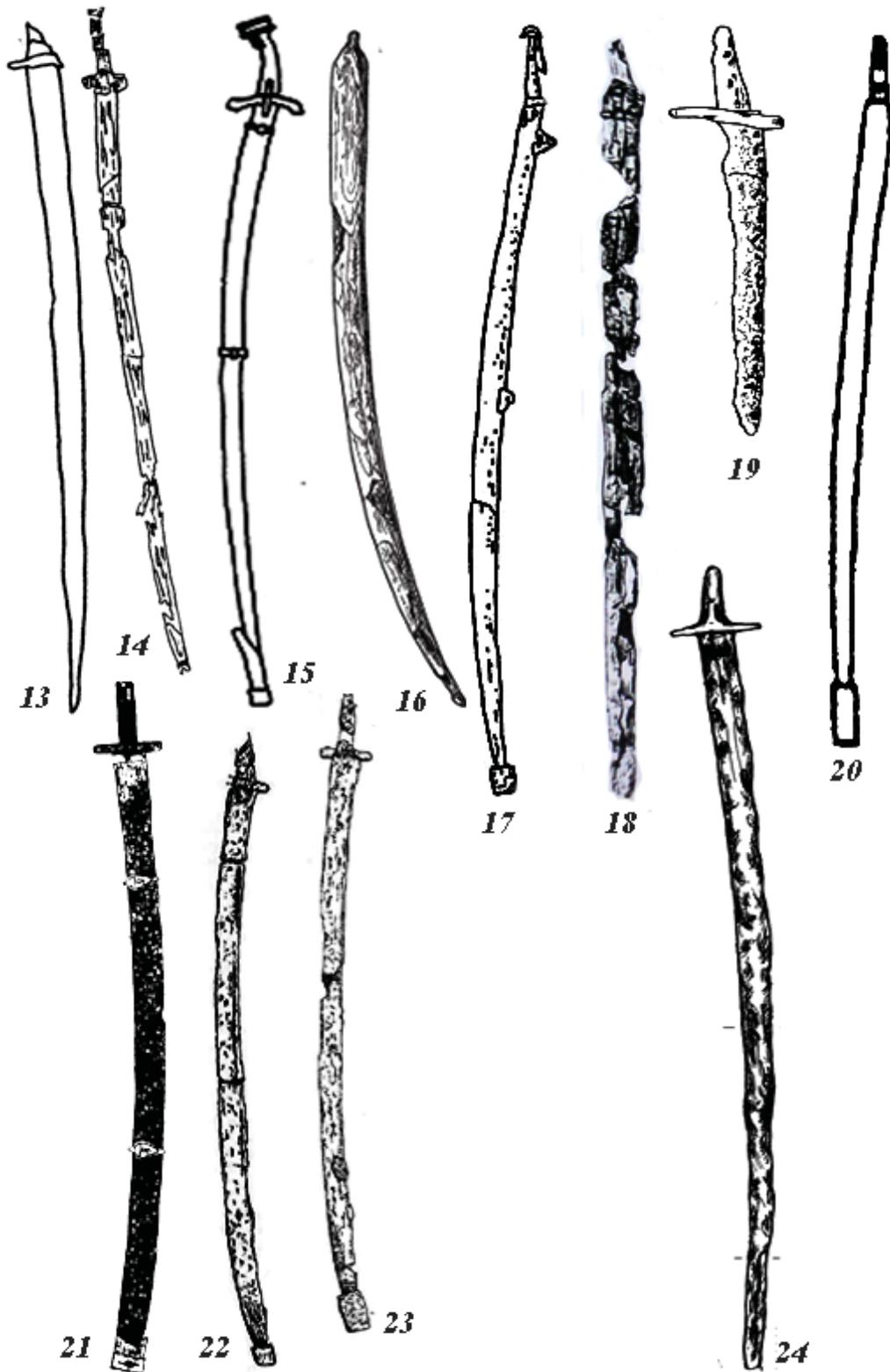

Рис. 3. Саблы из погребений кочевников Золотой Орды:

1 – Якши-Янгистау, к. 4; 2 – Бахтияровка II, к. 76; 3 – Шумаевский II, к. 7; 4 – Иловля, к. 3; 5 – Даниловка, к. 1; 6 – Калининский р-н Краснодарский край; 7 – Ивановский IV, к. 1; 8 – Лебедевка VIII, к. 6; 9 – Лебеди VI, к. 1; 10 – Лебеди I, к. 3; 11 – у Березанского лимана, к. 26; 12 – Столетовская, к. 5.

Fig. 3. Sabers from the burials of Golden Horde nomads.

1 – Yakshi-Yangistau, barrow 4; 2 – Bakhtiyarovka II, barrow 76; 3 – Shumaevsky II, barrow 7; 4 – Ilovlya, barrow 3; 5 – Danilovka, barrow 1; 6 – Kalininsky District of Krasnodar Krai; 7 – Ivanovsky IV, barrow 1; 8 – Lebedevka VIII, barrow 6; 9 – Lebedi VI, barrow 1; 10 – Lebedi I, barrow 3; 11 – near Berezan Estuary, barrow 26; 12 – Stoletovskaya, barrow 5.

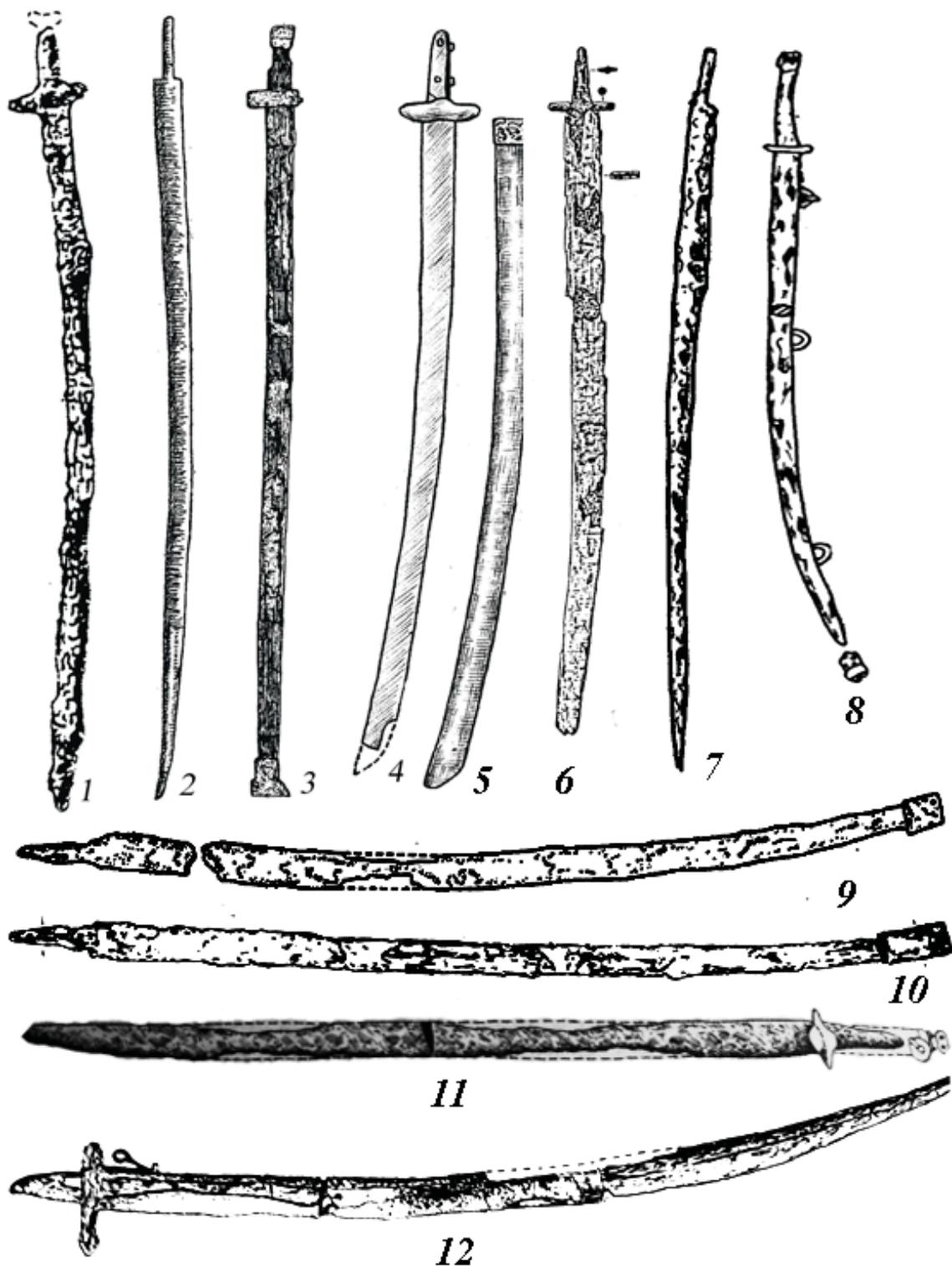

Рис. 3 (продолжение). Сабли из погребений кочевников Золотой Орды:
13 – Малай I, к. 5; 14 – Малай I, к. 13; 15 – Бахтияровка, к. 41; 16 – Балабинский, к. 12; 17 – хут. Пролетарский;
18 – Бахтияровка, к. 23; 19 – Лебедевка II; 20 – Новониколаевка I, к. 1; 21 – Ново-Подкряж; 22 – Золотаревка-7,
к. 1; 23 – Золотаревка-7, к. 4; 24 – у с. Кировское.

Fig. 3 (continued). Sabers from the burials of Golden Horde nomads:
13 – Malai I, barrow 5; 14 – Malai I, barrow 13; 15 – Bakhtiyarovka, barrow 41; 16 – Balabinsky, barrow 12;
17 – Proletarsky village; 18 – Bakhtiyarovka, barrow 23; 19 – Lebedevka II; 20 – Novonikolaevka I, barrow 1;
21 – Novo-Podkryazh; 22 – Zolotarevka-7, barrow 1; 23 – Zolotarevka-7, barrow 4; 24 – near Kirovskoye village.

Рис. 4. Способы ношения сабли монголами на китайских изображениях (по М.В. Горелику).
Fig. 4. Saber wearing techniques practiced by the Mongols on Chinese images (after M.V. Gorelik).

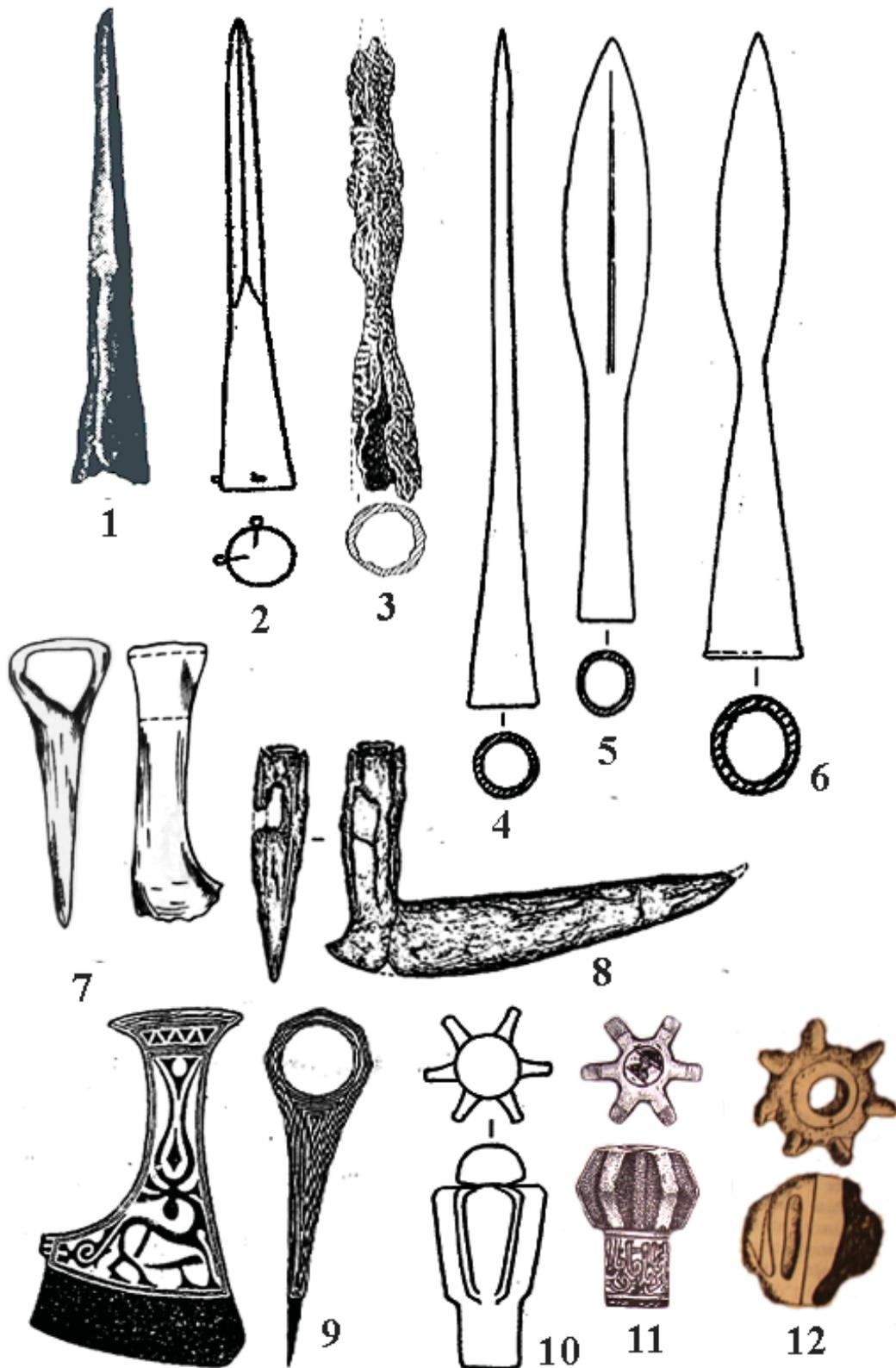

Рис. 5. Оружие ближнего боя из кочевнических погребений Золотой Орды:

1 – Ново-Кумакский, к. 1; 2, 9 – Олень-Колодезь; 3 – Высокая Гора, к. 2; 4 – Марок, к. 4; 5, 6 – по Е.П. Мыскову; 7 – Плоское, к. 227; 8 – Царев, к. 37; 10 – Вербовый Лог IV, к. 13; 11 – Балбани II, к. 1; 12 – Березанский лиман

Fig. 5. Melee weapons from nomadic burials of the Golden Horde:

1 – Novo-Kumaksky, barrow 1; 2, 9 – Olen-Kolodez; 3 – Vysokaya Gora, barrow 2; 4 – Marok, barrow 4; 5, 6 – after E.P. Myskov; 7 – Ploskoye, barrow 227; 8 – Tsarev, barrow 37; 10 – Verbovy Log IV, barrow 13; 11 – Balbani II, barrow 1; 12 – Berezan Estuary.

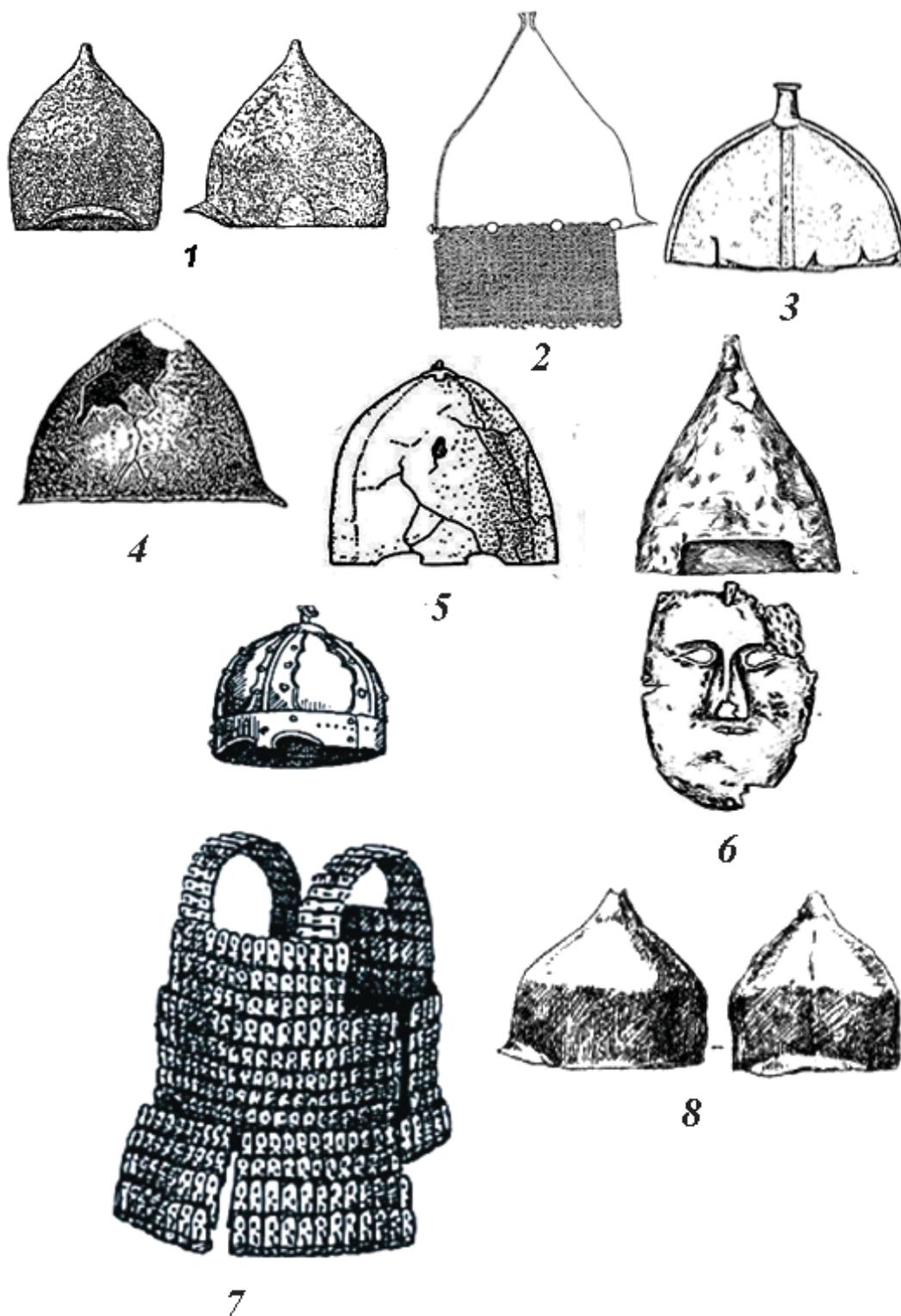

Рис. 6. Защитное вооружение из кочевнических погребений Золотой Орды:

1 – Калининский, к. 13; 2 – Олень-Колодезь; 3 – Лебедевка II; 4 – Высокая Гора, к. 2; 5 – хут. Пролетарский;
6 – у с. Кировское; 7 – Озерновский III; 8 – Ковалевка IV, к. 6.

Fig. 6. Protective armament from nomadic burials of the Golden Horde:

1 – Kalininsky, barrow 13; 2 – Olen-Kolodez; 3 – Lebedevka II; 4 – Vysokaya Gora, barrow 2; 5 – Proletarsky village;
6 – near Kirovskoye village; 7 – Ozernovsky III; 8 – Kovalevka IV, barrow 6.

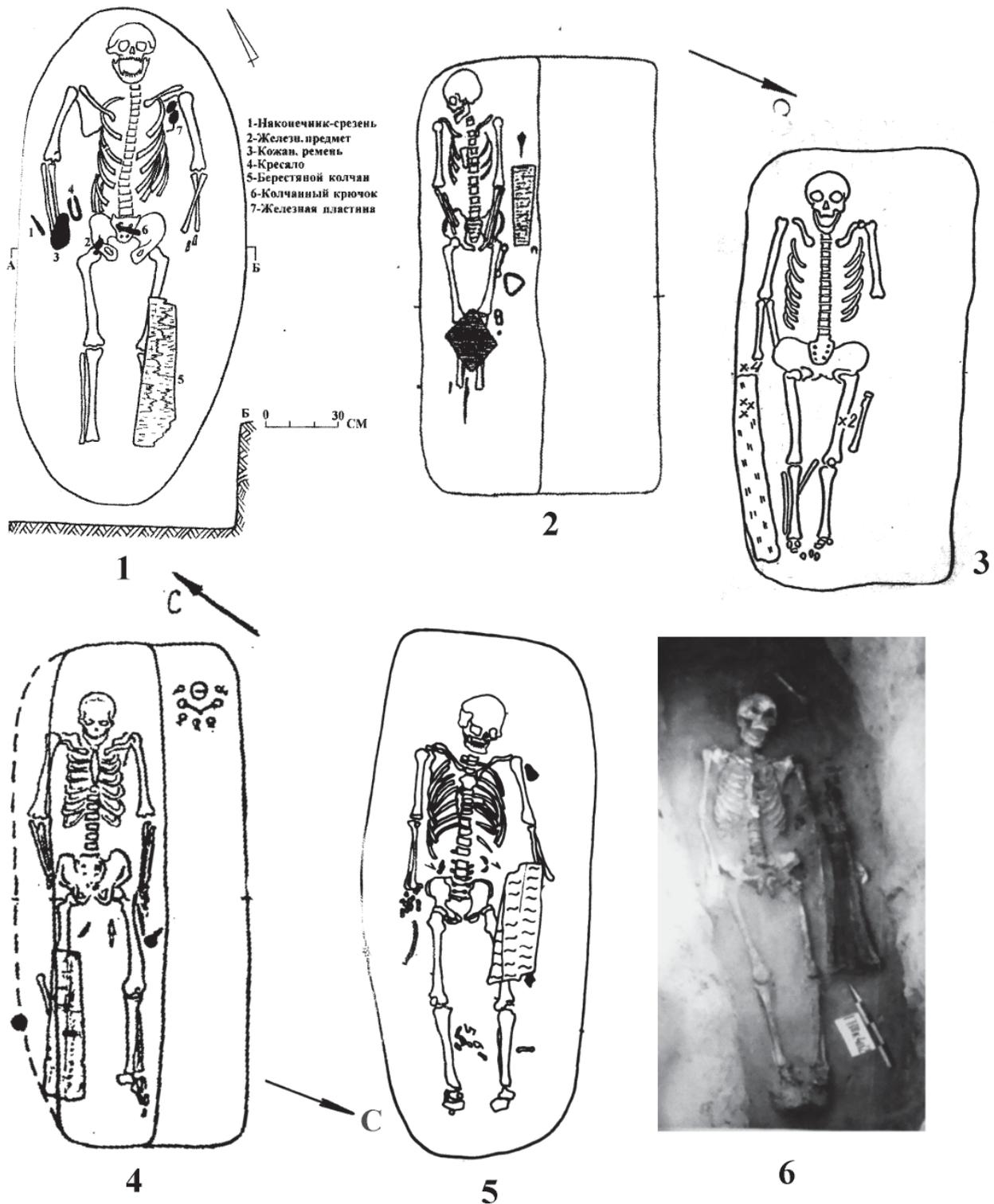

Рис. 7. Погребения кочевников Золотой Орды со стрелами и колчаном:

1 – Хабарный I, к. 19; 2 – Бахтияровка, к. 15; 3 – Мамбетбай, к. 3; 4 – Давыдовка III, к. 2; 5 – Канал Волга-Чограй-56-1988, к. 3; 6 – Гува II, к. 4.

Fig. 7. Burials of Golden Horde nomads with arrows and a quiver:

1 – Khabarny I, barrow 19; 2 – Bakhtiyarovka, barrow 15; 3 – Mambetbay, barrow 3; 4 – Davydovka III, barrow 2; 5 – Volga-Chogray-56-1988 channel, barrow 3; 6 – Guva II, barrow 4.

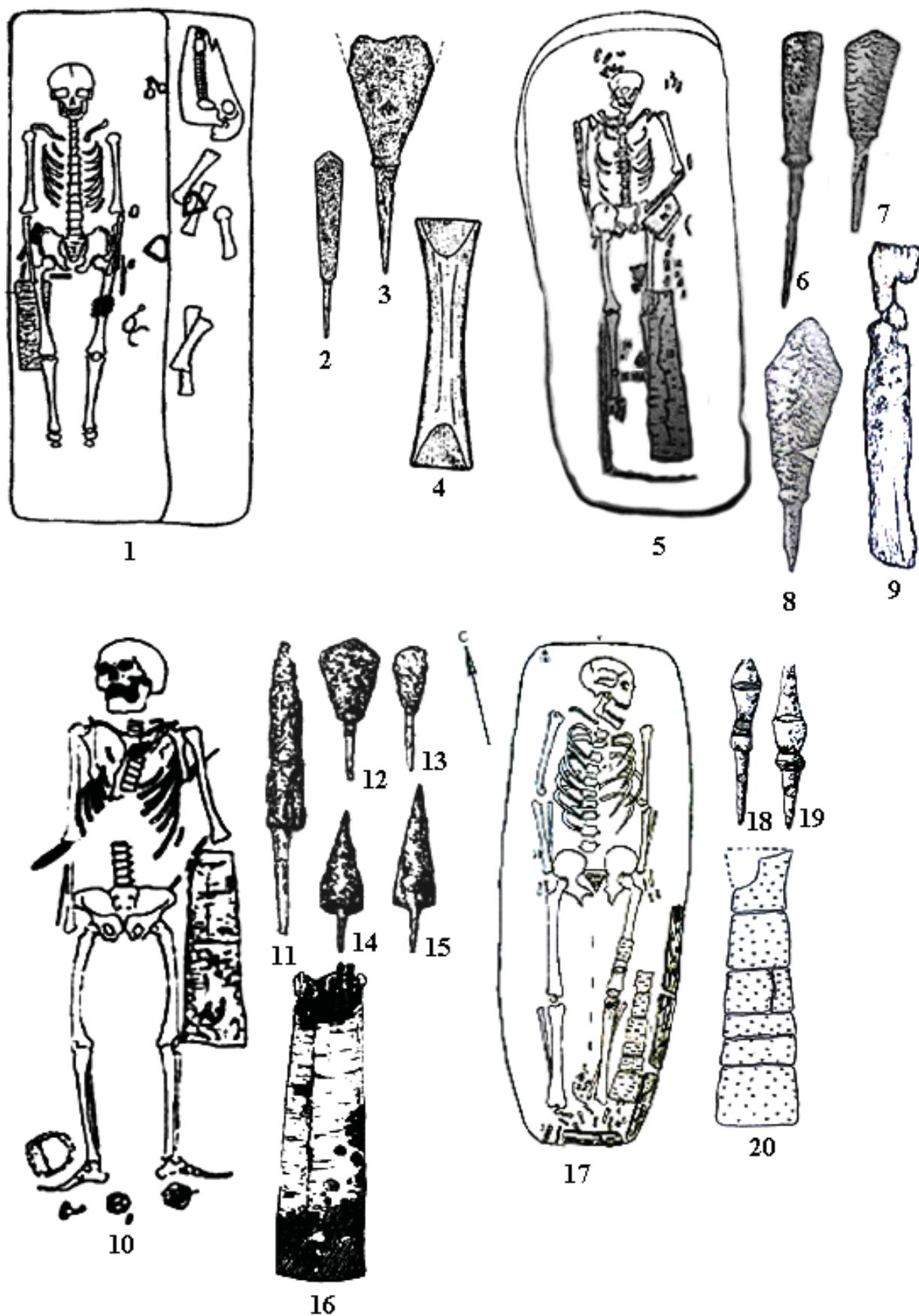

Рис. 8. Погребения кочевников Золотой Орды со стрелами, колчаном остатками лука:
 1-4 – Бахтияровка, к. 3; 5-9 – Бахтияровка, к. 46; 10-16 – Жартас; 17-20 – Калиновский-4, к. 1.
 Fig. 8. Burials of Golden Horde nomads with arrows, a quiver and the remains of a bow:
 1-4 – Bakhtiyarovka, barrow 3; 5-9 – Bakhtiyarovka, barrow 46; 10-16 – Zhartas; 17-20 – Kalinovskiy-4, barrow 1.

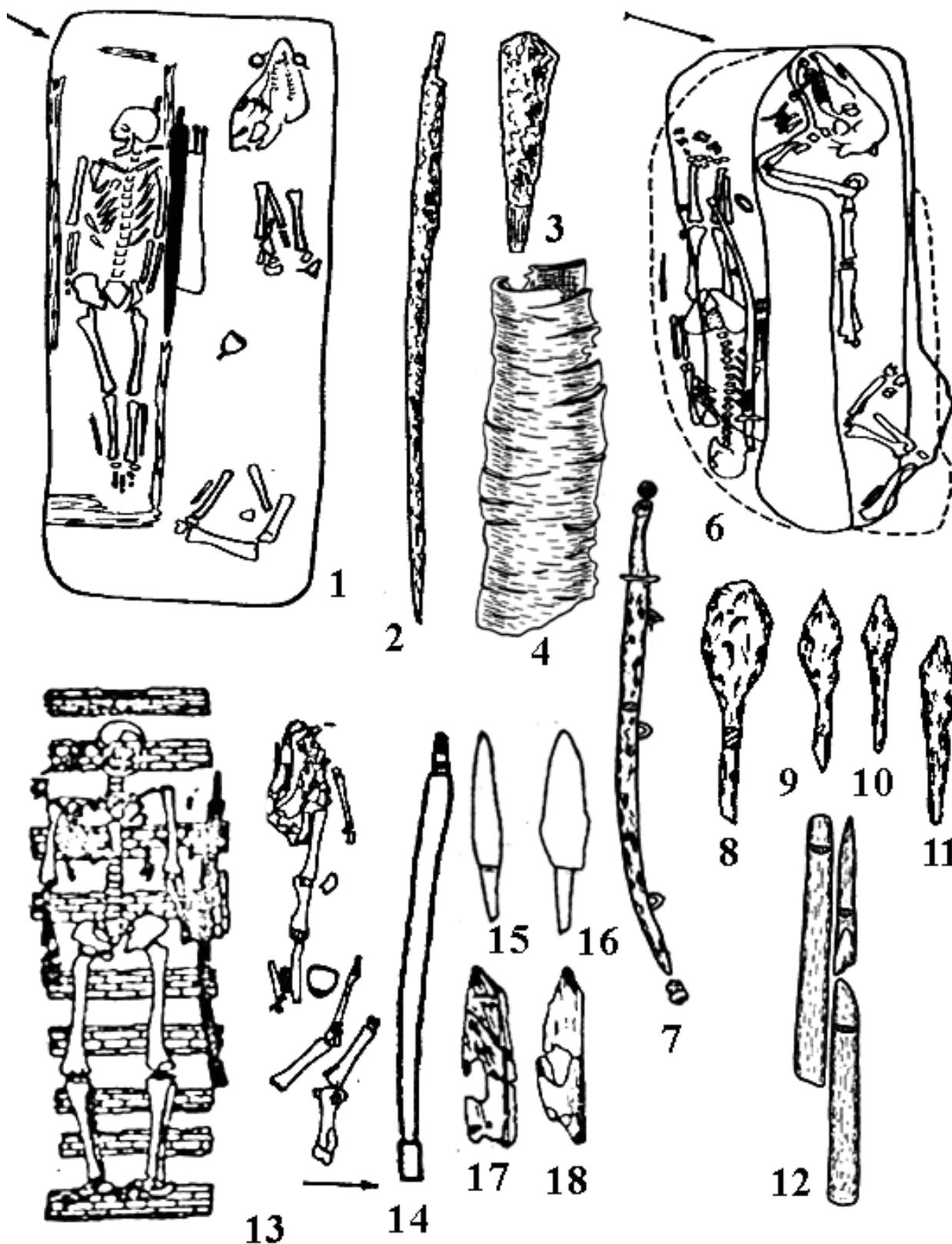

Рис. 9. Погребения кочевников Золотой Орды с саблями, стрелами и колчаном:
1-4 – Ивановский IV, к. 1; 6-12 – Лебедевка VIII, к. 6; 13-18 – Новониколаевка I, к. 1.

Fig. 9. Burials of Golden Horde nomads with a saber, arrows and a quiver:
1-4 – Ivanovsky IV, barrow 1; 6-12 – Lebedevka VIII, barrow 6; 13-18 – Novonikolaevka I, barrow 1.

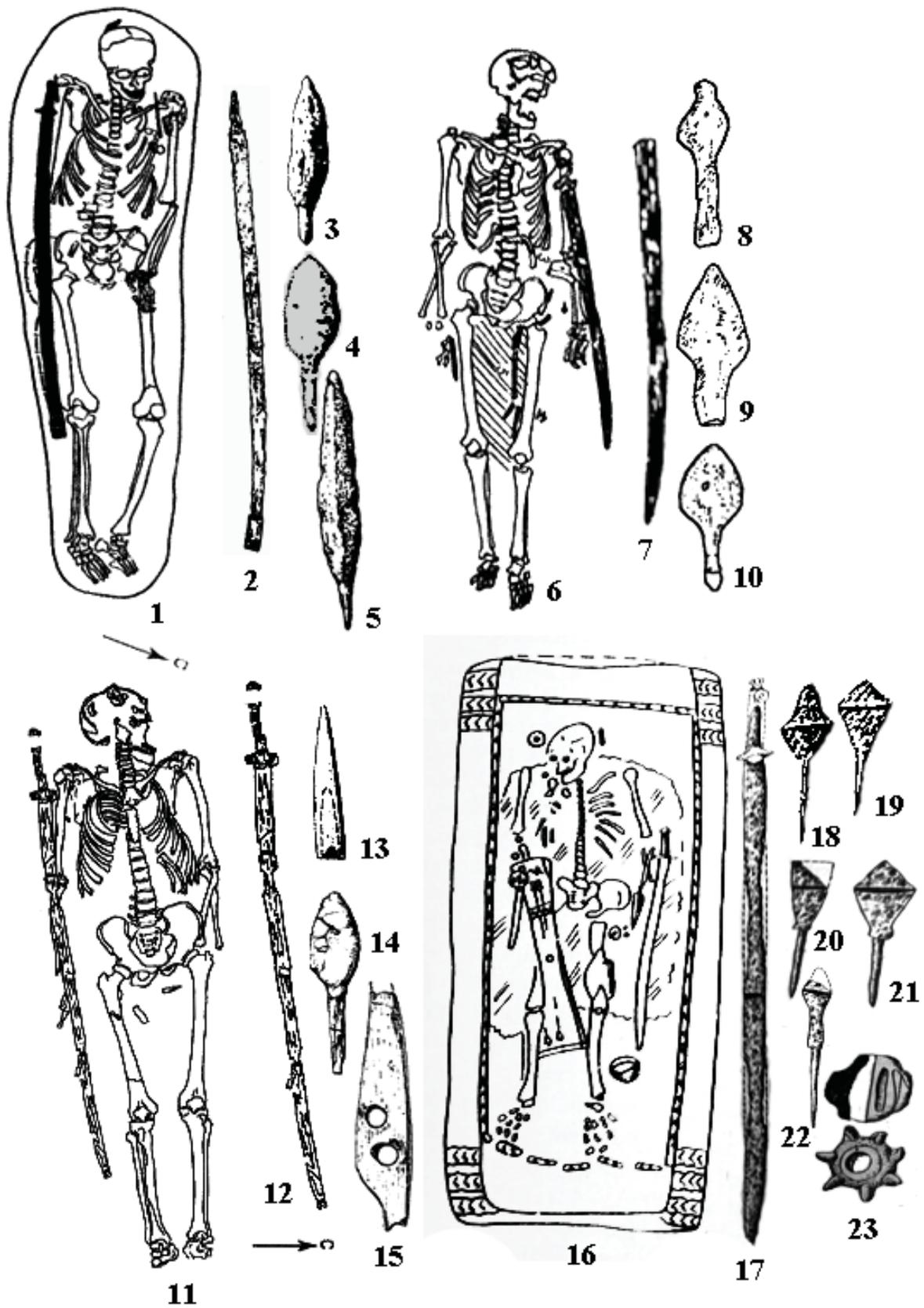

Рис. 10. Погребения кочевников Золотой Орды с саблями и стрелами:

1-5 – Лебеди I, к. 3; 6-10 – Греки, к. 45; 11-15 – Малаи I, к. 13; 16-23 – у Березанского лимана.

Fig. 10. Burials of Golden Horde nomads with a saber and arrows:

1-5 – Lebedi I, barrow 3; 6-10 – Greki, barrow 45; 11-15 – Malai I, barrow 13; 16-23 – near Berezan Estuary.

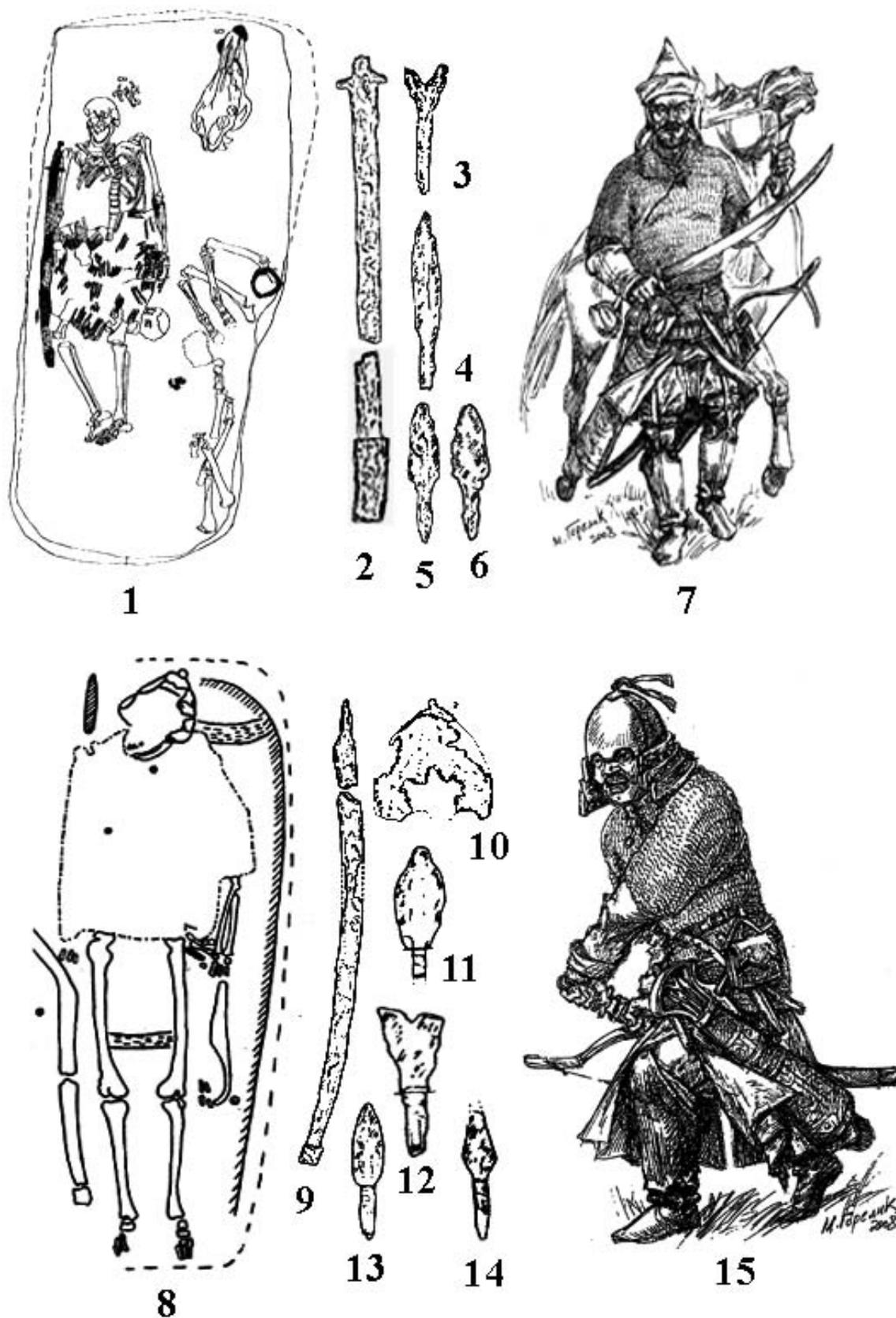

Рис. 11. Погребения кочевников Золотой Орды с полной «паноплией» (по И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе, Е.И. Нарожному, М.В. Горелику): 1-7 – Пилипенковский I, к. 1; 8-15 – Лебеди VI, к. 1.

Fig. 11. Burials of Golden Horde nomads with complete “panoply” (after I. A. Druzhinina, V. N. Chkhaidze, E. I. Narozhny, M. V. Gorelik): 1-7 – Pilipenkovsky I, barrow 1; 8-15 – Lebedi VI, barrow 1.

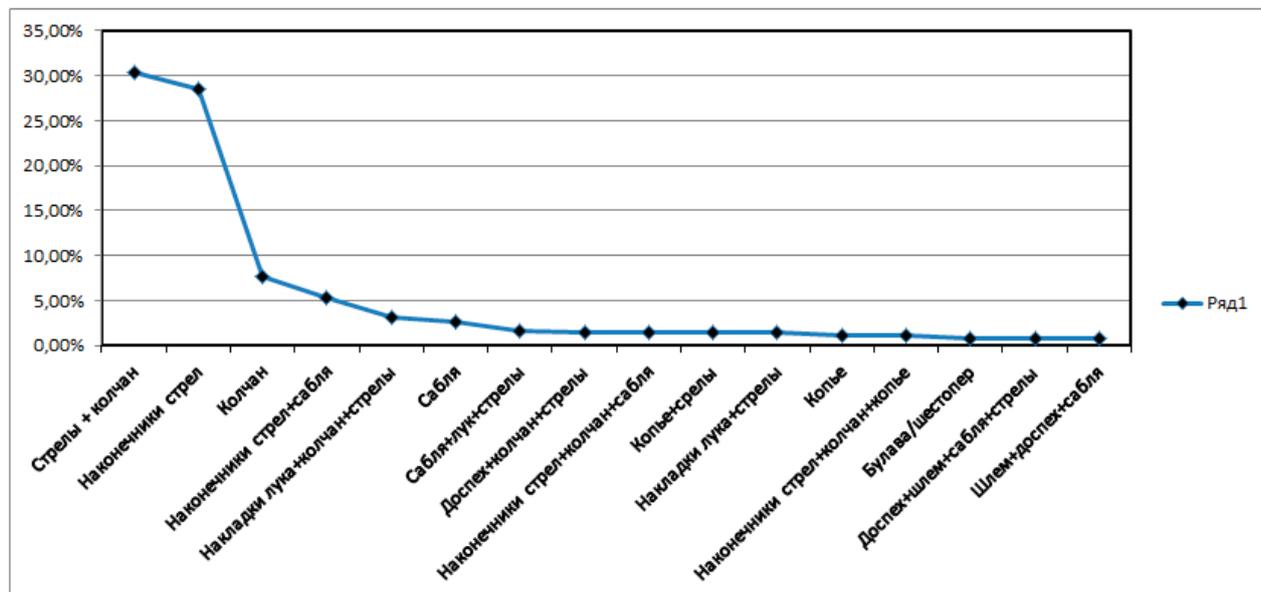

Рис. 12. График частоты встречаемости предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды.
 Fig. 12. Incidence plot of armament items in the burials of Golden Horde nomads.